

ИЗМЕНА

МУЖ ПРИДУМАЛ МНЕ ЛЮБОВНИКА

ВИКТОРИЯ СЕВЕРИНА

Виктория Северина

**Измена: Муж Придумал
Мне Любовника**

«Литнет»

2026

Северина В.

Измена: Муж Придумал Мне Любовника / В. Северина —
«Литнет», 2026

После двадцати пяти лет брака Маргарита узнаёт об измене мужа самым невероятным способом. Глеб собирает взрослых детей за семейным столом и показывает им доказательства того, что их мать якобы давно встречается с другим мужчиной: тёплые сообщения, поздние репетиции, совместную поездку, фотографию с известным дирижёром Антоном Белецким. Всё выглядит убедительно. Есть только одна проблема. Маргарита никогда не изменяла мужу. Зато сам Глеб уже пятнадцать месяцев спит с другой женщиной. И очень скоро Маргарита понимает страшное: никакой ошибки не произошло. Муж сознательно выбрал настоящие сообщения, обрезал фотографии и заранее подготовил дочь к мысли о материнском предательстве. Ему нужна не просто свобода. Ему нужно остаться хорошим отцом, уважаемым мужчиной и невинной жертвой распавшегося брака. А Маргарита должна сделать то, что делала двадцать пять лет: принять удар на себя и снова спасти семью от последствий его поступков. Только на этот раз она отказывается. И пока Глеб пытается доказать всем, что Антон давно был её любовником, Маргарита неожиданно узнаёт мужчину, которого ей придумал собственный муж, совсем с другой стороны. Вот только если однажды между ними действительно появится любовь, начнётся она уже после развода. Потому что чужая ложь не имеет права определять, кого и когда она выберет сама.

Содержание

Глава 1. Семейный ужин	5
Глава 2. Виноватой быть проще	17
Глава 3. Дом, из которого она уходит	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Глава 1. Семейный ужин

К восьми часам вечера детская хоровая студия окончательно опустела, но тишина пришла туда не сразу. Она долго ещё собирала за детьми оставленные ими звуки: хлопок тяжёлой двери в коридоре, девичий смех на лестнице, шарканье сменной обуви, скрип крышки старого пианино и несколько неправильных нот, которые кто-то из мальчишек успел напоследок выстучать одним пальцем, пока Маргарита отвлеклась на мать юной солистки. Только когда уборщица на первом этаже включила свою чудовищную машину для мытья полов, гудящую так, будто внизу завёлся небольшой трактор, стало окончательно ясно: рабочий день закончился, дети разошлись, а нормальные люди в такое время уже едут домой.

Маргарита Крылова сидела за крайним столом у окна и складывала в сумку исписанные карандашом листы партитуры. На одном из них красовалась жирная пометка Антона: «Здесь дети задуют оркестр, если мы не задушим детей первыми», а ниже её собственной рукой было приписано: «Попробуйте — родители вас съедят». Во время репетиции эта переписка по краям нот казалась смешной, теперь же Маргарита посмотрела на неё устало, улыбнулась и сунула лист в папку. За последние две недели они с Антоном Белецким виделись чаще, чем она виделась с мужем, но в этом не было ничего удивительного: большой совместный концерт приближался с той скоростью, с какой обычно приближаются все бедствия, назначенные на конкретную дату, и если дети ещё могли позволить себе заболеть, забыть слова или внезапно решить, что музыкальная школа разрушает их лучшие годы, то взрослым оставалось только работать.

Антон вошёл в кабинет без стука, держа в одной руке два стаканчика из автомата, а в другой — свёрнутую схему сцены. Он уже снял концертный пиджак и остался в тёмной рубашке с закатанными рукавами; волосы, аккуратно зачёсанные в начале вечера, теперь торчали на затылке совершенно неуважительно к званию дирижёра. Маргарита подняла на него глаза и сразу посмотрела на стаканчик, потому что от автомата внизу можно было получить либо кофе, либо горячую воду коричневого цвета, а разница между этими напитками определялась исключительно верой покупателя.

— Если вы снова принесли мне то, что этот аппарат называет капучино, я буду жаловаться в прокуратуру, — сказала Маргарита, принимая стакан и осторожно нюхая содержимое. Запах оказался терпимым, и это уже можно было считать маленькой победой. — Причём не на автомат, Антон Ильич, а лично на вас как на человека, сознательно распространяющего опасную жидкость среди работников культуры.

Антон поставил схему на стол, подвинул к себе стул и, усевшись, вытянул ноги так, будто больше подниматься сегодня не собирался. Он был на два года старше Маргариты, хотя временами, особенно после длинных репетиций, выглядел так, словно успел прожить ещё одну небольшую жизнь где-то между первой скрипкой и альтами. — Я принёс вам чай, — сообщил он с достоинством человека, предусмотревшего покушение. — Кофе я взял себе. Если через пять минут умру, сможете наконец поставить детей так, как предлагали изначально, и никто не будет спорить.

— Какая самоотверженность, — Маргарита сделала первый глоток и убедилась, что это действительно чай, пусть и имеющий вкус бумажного стакана. — Вы подготовили завещание? Оркестр кому оставляете?

Антон открыл схему сцены, разгладил ладонью загнувшийся край и ткнул пальцем в отмеченный карандашом сектор. — Оркестр завещаю государству. Пусть оно мучается. А вы останьтесь завтра, когда остальные уйдут, минут на двадцать, я хочу переставить старшую группу вот сюда и проверить без детей, помещаются ли ваши стойки между виолончелями и

вторыми скрипками. Сегодня они уже ничего не слышат, вы ничего не слышите, а я через полчаса начну слышать голоса умерших композиторов.

Маргарита усмехнулась и достала телефон, чтобы проверить завтрашнее расписание. Именно в этот момент экран вспыхнул сообщением от Глеба: «Ты скоро?». Два слова были совершенно обычными, но Маргарита почему-то задержала на них взгляд дольше, чем требовалось, а потом ответила: «Выхожу минут через десять». Муж не прислал ни привычного большого пальца, ни короткого «хорошо», вообще ничего. В последние месяцы их переписка всё чаще напоминала обмен служебными уведомлениями двух людей, которым по какой-то бюрократической ошибке приходилось проживать в одной квартире.

— Вас сегодня ждут? — спросил Антон, заметив, как она убрала телефон, и тут же, словно почувствовав двусмысленность вопроса, добавил: — В смысле, дома. Я могу сам закрыть кабинет, если вы торопитесь.

— После двадцати пяти лет брака меня уже не ждут, а учитывают, — ответила Маргарита и поднялась, натягивая пальто. Ей самой понравилась фраза, хотя внутри она оставила неприятный привкус, поэтому Маргарита поспешила добавить веселее: — Зато сегодня приехали дети. Алина написала, что будет, Кирилл тоже обещался явиться, если не придумает к вечеру более уважительную причину нас бросить.

Антон поднялся следом и помог ей собрать рассыпавшиеся карандаши. — Тогда идите, семейный ужин важнее нашего будущего поражения. Напишите, как доберётесь, на улице опять эта прекрасная жижа вместо погоды, а вы вчера чуть не убились на парковке, демонстрируя мне достоинства ваших ботинок.

Маргарита фыркнула, вспоминая, как действительно поскользнулась на мокрой плитке у концертного зала и едва не утащила Антона за собой, потому что он успел поймать её за плечи. Кто-то из родителей тогда ещё сфотографировал их компанию после репетиции, и на общей фотографии Маргарита стояла рядом с Антоном, держась за его локоть, поскольку левая нога после падения неприятно ныла. — Я добралась до сорока семи лет без вашей опеки и рассчитываю как-нибудь дотянуть до сорока восьми, — сказала она, застёгивая пальто. — Но хорошо, отчитаюсь, чтобы дирижёр мог спать спокойно и не переживать за сохранность главного источника детского крика в своём концерте.

Они вместе дошли до лестницы, после чего Антон вернулся проверять окна, а Маргарита спустилась вниз. За стеклянными дверями студии моросил мелкий холодный дождь, превращавший свет фонарей в мутные жёлтые пятна. Машина стояла через дорогу, и пока Маргарита добиралась до неё, зонт успел дважды вывернуться от ветра, каблук один раз опасно скользнул по мокрому бордюру, а в рукав пальто затекла тонкая струйка воды. Нормальная дорога домой начиналась именно так: с раздражения на погоду, с тяжёлой сумки на плече и с желания оказаться на кухне, снять обувь и хотя бы десять минут не отвечать ни на один человеческий вопрос.

Однако уже во дворе собственного дома Маргарита заметила машину Алины и старенькую тёмную «Шкоду» Кирилла, купленную им прошлой весной на свои первые серьёзные деньги. Настроение сразу стало лучше. Дети давно жили отдельно, каждый успел обзавестись собственным ритмом, работой, друзьями и странной уверенностью, будто родители существуют где-то в специальной семейной кладовке и могут быть извлечены оттуда в любой момент, когда понадобится помощь, совет, деньги или домашняя еда. Маргарита на это не жаловалась. Когда дети уезжают, начинаешь неожиданно ценить даже их привычку открывать холодильник каждые семь минут в надежде, что за это время внутри появилось что-нибудь новое.

Она припарковалась, потянулась за сумкой и заметила ещё одну машину у самого подъезда. Белый компактный кроссовер принадлежал Яне Самойловой. Маргарита узнала его по маленькой трещине на правом заднем фонаре, появившейся зимой, когда Яна сдавала назад у

их загородного дома и умудрилась задеть единственный столб во дворе, вокруг которого было метров десять свободного пространства. Тогда над ней смеялись все, включая саму Яну, а Глеб потом два часа помогал заклеивать фонарь прозрачной плёнкой, чтобы туда не набивался снег.

Маргарита некоторое время сидела в машине, глядя на знакомый белый кузов сквозь мокрое стекло. Присутствие Яны не было чем-то исключительным. Она работала с Глебом много лет, руководила связями лица с родителями и городскими организациями, участвовала почти во всех крупных мероприятиях и бывала у Крыловых дома столько раз, что давно перестала спрашивать, куда вешать пальто. Когда Алина заканчивала институт и искала первую нормальную стажировку, именно Яна помогла ей попасть в одну из культурных организаций, не протаскив по знакомству, как потом подчёркивала сама, а просто отправив нужному человеку резюме и сказав: «Посмотрите девочку, она толковая».

И всё же сегодня её машина вызвала у Маргариты странное раздражение. Возможно, дело было в том, что весь день прошёл среди людей и ей хотелось увидеть только детей и мужа. Возможно, в последние недели Яна слишком часто всплывала в разговорах Глеба: Яна организовала встречу, Яна задержалась с отчётом, Яна договорилась с родительским комитетом, Яна нашла человека, Яна снова спасла всех от катастрофы, которую остальные почему-то даже не заметили. Маргарита отмахнулась от этой мысли, взяла сумку и вышла под дождь. Если начать ревновать мужа к каждой сотруднице после двадцати пяти лет брака, можно к пятидесяти превратиться в городскую сумасшедшую, которая проверяет карманы чужих пальто на запах духов.

В подъезде пахло мокрой одеждой, кошачьим кормом и чьей-то жареной рыбой. Лифт ехал с девятого этажа мучительно долго, поэтому Маргарита поднялась пешком, проклиная проектировщиков и собственное решение купить ботинки на каблуке. У двери она услышала смех Кирилла, потом голос Яны и наконец голос Глеба, гораздо более оживлённый, чем тот, каким он разговаривал дома последние месяцы. Маргарита задержала ключ в замке на долю секунды, сама не понимая зачем, а затем открыла дверь.

Первой к ней вышла Алина. Она была высокой, в мать, только тоньше, с прямыми светло-каштановыми волосами, которые сейчас собрала на затылке небрежной заколкой. На ней был домашний свитер Маргариты, украденный ещё два года назад и почему-то продолжающий считаться временно одолженным. — Мам, ты чего так долго? — спросила она, обнимая Маргариту и тут же отстраняясь, потому что пальто оказалось мокрым. — Господи, ты вся ледяная. Папа сказал, что репетиция до семи.

— Папа много чего говорит, — ответила Маргарита, целуя дочь в щёку. — Репетиция была до семи, а потом выяснилось, что сцена не резиновая, дети не умеют становиться плоскими, а виолончели почему-то занимают место. Вот и задержалась.

Кирилл появился следом босиком, держа в руке ломтик огурца. Он был похож на Глеба больше сестры: тот же прямой нос, тёмные волосы и привычка смотреть на человека чуть исподлобья, когда собирался пошутить. — Мама, не начинай раздеваться, — объявил он с совершенно серьёзным видом. — У нас сегодня богатый дом. Папа открыл то вино, которое ты запрещала трогать до какого-то особенного случая. Я предлагаю быстро выяснить, какой именно у нас особенный случай, и если это не моя свадьба, вернуть бутылку на место.

— Для твоей свадьбы я куплю что-нибудь подешевле, всё равно половину разольёте, — Маргарита сняла пальто и наконец увидела Яну, подошедшую из кухни с полотенцем в руках. Та была одета просто: тёмные брюки, светлая блузка, волосы собраны в низкий хвост. Никакой нарочитой нарядности, никакого вечернего макияжа, способного объяснить, почему Маргарита снова ощутила неясное раздражение.

— Рита, привет, — Яна улыбнулась и поцеловала её в щёку так естественно, словно они договорились увидеться заранее. — Я тебя не предупредила, Глеб сказал, что вы всё равно

сегодня собираетесь семьёй, а я заехала буквально на полчаса привезти документы. Потом эти двое заявили, что если я уйду до ужина, значит я презираю домашнюю еду.

— Врёт, — немедленно вмешался Кирилл, доедая огурец. — Это папа сказал. Я всего лишь поддержал взрослого человека в его незаконном удержании гостя.

— И давно вы удерживаете? — спросила Маргарита, проходя в комнату и оставляя сумку на кресле. Вопрос прозвучал обычным, но Глеб, стоявший у накрытого стола, почему-то посмотрел на неё внимательнее, чем требовали обстоятельства.

— Минут сорок, — ответил он и подошёл навстречу. Глеб Крылов в свои пятьдесят выглядел хорошо, даже слишком хорошо для человека, который последние двадцать лет уверял жену, что спорт придуман производителями спортивной одежды. Он был подтянутым, аккуратно подстриженным, в светлой домашней рубашке, и сегодня от него пахло тем одеколоном, которым он обычно пользовался на официальных мероприятиях. — Ты промокла. Иди переодейся, всё уже готово, мы тебя ждали.

Он взял Маргариту за плечо и легко поцеловал в висок. Жест был настолько привычным и одновременно настолько непривычным в последние месяцы, что она почти автоматически повернула голову к нему. Глеб уже отошёл к столу, поправляя тарелки, будто ничего особенного не произошло. Раньше он постоянно касался её мимоходом: проходя по кухне, мог положить ладонь на поясницу, сесть рядом так, чтобы соприкасались колени, ночью нащупать её руку под одеялом. Потом всё это постепенно исчезло, без скандала, без одного решающего дня, просто однажды Маргарита поняла, что муж уже несколько недель к ней почти не прикасался.

— Ты сегодня торжественный какой-то, — заметила она, снимая серьги перед зеркалом в прихожей. — И вино открыл. Я уже начинаю бояться.

Глеб улыбнулся и взял бутылку, стоящую в центре стола. — Дети приехали, ты наконец дома, почему не открыть? Мы слишком часто откладываем нормальные вечера на потом.

Маргарита посмотрела на него через зеркало. Фраза была правильной, даже хорошей, и именно поэтому вызвала беспокойство. Глеб всю жизнь обладал неприятной способностью становиться особенно правильным именно в те моменты, когда уже заранее решил что-нибудь неприятное. Когда Кирилл в шестнадцать лет разбил чужую машину, муж сначала приготовил ему чай, выслушал, спокойно спросил, не пострадал ли кто-нибудь, а уже потом сообщил, что сын всё лето будет работать у знакомого на складе и выплачивать ремонт. Впрочем, возможно, она просто устала и теперь искала подвоха там, где наконец появился нормальный семейный вечер.

В спальне Маргарита переоделась в тёмные мягкие брюки и тонкий свитер, собрала мокрые волосы резинкой и на несколько секунд задержалась у кровати. На половине Глеба лежал сложенный домашний плед, которым он пользовался, когда читал по вечерам; рядом на тумбочке стоял стакан воды, книга и зарядка. Всё выглядело настолько привычно, что тревога показалась ей смешной. Двадцать пять лет брака — вполне достаточный срок, чтобы перестать искать таинственный смысл в каждом поцелуе в висок.

Когда Маргарита вернулась, Яна уже сидела справа от Глеба, Алина напротив, Кирилл занял своё прежнее место у окна, которое с детства считал личной территорией. Для Маргариты оставили место рядом с мужем. Стол действительно выглядел торжественно: запечённое мясо, салат, овощи, маленькая тарелка с сыром, нормальные бокалы вместо повседневных толстостенных стаканов. Даже свечи стояли, правда, незажжённые, потому что Глеб терпеть не мог запах воска возле еды.

— Надо же, — сказала Маргарита, садясь. — Если бы знала, что меня так встречают, приехала бы раньше.

— Я тебе предлагал бросить музыку ещё лет пятнадцать назад, — напомнил Глеб, наливая ей вино. — Сидела бы дома, приходила вовремя.

Раньше эта шутка обязательно закончилась бы тем, что Маргарита ткнула мужа локтем в бок или сказала что-нибудь про его лицей, который без него прекрасно пережил бы мировую войну. Сегодня Глеб только улыбнулся, наполнил её бокал и задержал пальцы на запястье. Тёплая ладонь лежала поверх её руки всего несколько секунд, но Маргарите вновь стало не по себе. Слишком тщательно. Будто кто-то вспоминал порядок давно забытого ритуала: налить жене вина, прикоснуться, улыбнуться детям, показать, что дома всё хорошо.

— Так что у вас с концертом? — спросила Алина, накладывая салат. Вопрос прозвучал небрежно, однако взгляд дочери задержался на матери. — Ты опять сегодня с этим Белецким допоздна?

Маргарита подняла брови. — С этим Белецким я уже второй месяц пытаюсь убедить тридцать семь детей не перекричать камерный оркестр. Пока оркестр побеждает по очкам, но дети моложе и выносливее.

— Антон Белецкий очень известный дирижёр, — заметила Яна, беря хлеб. — Я была на их концертной. Очень сильная программа.

— Вот видишь, даже Яна в курсе, — Маргарита посмотрела на дочь. — А ты ни разу не пришла послушать собственную мать.

— Я на премьеру приду, — Алина улыбнулась, но как-то слишком быстро. — Просто ты в последнее время только о нём и говоришь.

— О Белецком? — Маргарита удивилась по-настоящему и посмотрела сначала на дочь, потом на Глеба. — С каких это пор?

Алина пожалала плечами и потянулась к бокалу с водой. — Ну не знаю. Антон сказал, Антон предложил, Антон считает, Антон опять переставил детей. Я просто заметила.

Глеб тут же вмешался, будто хотел снять ненужное напряжение. — Работа есть работа, Алин. Когда люди делают вместе большой проект, естественно, что они друг друга постоянно упоминают. Не начинай.

Маргарита повернула голову к мужу. Он сказал всё совершенно правильно, но что-то в этой реплике снова неприятно зацепило её: не содержание, а интонация человека, который уже не первый раз повторяет знакомый аргумент. Алина тоже как будто услышала нечто привычное, потому что чуть поджала губы и больше не стала развивать тему.

Кирилл, кажется, не заметил ничего. Он рассказывал Яне о новой работе, возмущался руководителем, который назначал созвоны на восемь утра, и пытался доказать всем присутствующим, что человечество изобрело удалённую занятость именно затем, чтобы люди никогда больше не видели восемь утра. Яна смеялась, задавала вопросы, Алина включилась в разговор, а Глеб несколько раз осторожно подкладывал Маргарите еду, хотя прекрасно знал, что она ненавидит, когда кто-нибудь решает за неё, сколько ей съесть.

— Глеб, я не пережила голодную зиму, — наконец сказала она, удерживая его руку с очередным куском мяса над своей тарелкой. — Оставь. Я сама справлюсь.

— Ты весь день ничего не ешь, — ответил муж и всё-таки положил кусок. — Потом в десять вечера начинаешь искать печенье.

— Двадцать пять лет наблюдений наконец принесли плоды, — Маргарита посмотрела на детей. — Запишите этот день. Ваш отец выяснил, что я ем по вечерам.

Кирилл поднял бокал в знак уважения, а Алина улыбнулась. Глеб тоже рассмеялся, но тут же, почти незаметно, посмотрел на Яну. Та ответила ему коротким взглядом, спокойным и совершенно будничным. Маргарита увидела это движение только потому, что в тот момент сама смотрела на мужа, но никакого значения ему не придавала. Люди, работающие вместе годами, обзаводятся десятками таких безмолвных сигналов: сейчас позвони, не упоминай директора, смени тему, родитель сходит с ума, мероприятие горит, улыбайся.

Разговор постепенно стал обычным семейным разговором, и тревога начала отступать. Кирилл спорил с сестрой о том, кто должен съездить к бабушке на выходных, Алина жалова-

лась на начальницу, Глеб рассказывал историю про отца ученика, потребовавшего убрать из школьной библиотеки какую-то книгу, потому что ребёнок после неё начал задавать неудобные вопросы. Яна больше слушала. Маргарита поймала себя на том, что несколько минут просто сидит, смотрит на детей и испытывает то тихое удовлетворение, ради которого, наверное, люди вообще терпят двадцать лет недосыпа, родительских собраний, температур под сорок, разбитых коленей и подростковых хлопаний дверями.

— А поездка у вас когда была? — неожиданно спросила Алина, когда разговор о работе исчерпался. Она водила вилкой по тарелке и будто не придавала вопросу большого значения. — Та, с концертом. В Ярославль или куда вы ездили?

— В Тверь, — поправила Маргарита. — В прошлом месяце. А что?

— Да ничего. Просто вспомнила, — Алина отпила воды. — Вы там на одну ночь оставались?

Маргарита нахмурилась. — На две. Первый день репетиция, на второй выступали, утром третьего вернулись. Ты же знала, я тебе фотографии присылала.

— Знала, — дочь снова пожала плечами и опустила глаза. — Просто спросила.

Теперь уже Маргарита посмотрела на Глеба открыто. Муж резал мясо и делал вид, что не слышит разговора, но костяшки пальцев, державших нож, побелели чуть сильнее. Впрочем, через секунду он поднял голову и улыбнулся жене совершенно спокойно. — Я ей недавно рассказывал, как мы с тобой раньше ездили вместе на твои выступления, — пояснил он. — Вот она и вспомнила.

— Ты рассказывал Алине о моих поездках? — удивилась Маргарита.

— О наших поездках, — поправил Глеб. — Когда дети были маленькими. Я тогда возил тебя везде, помнишь?

Конечно, она помнила. Глеб в молодости действительно таскал колонки, стойки, коробки с нотами, сидел на последних рядах детских концертов и умудрялся спать с открытыми глазами во время особенно длинных выступлений. Потом лицей стал отнимать больше времени, дети выросли, и супруги постепенно перестали сопровождать друг друга в профессиональной жизни. Никакой трагедии в этом не было. По крайней мере, Маргарита всегда именно так и думала.

— Было время, — сказала она и подняла бокал. — Ты даже знал, чем сопрано отличается от альты.

— Я и сейчас знаю, — возмутился Глеб. — Сопрано громче.

Кирилл прыснул со смеху, Алина тоже улыбнулась, и неприятный момент рассыпался. Только Яна почему-то не засмеялась. Она сидела, положив ладони на колени, и смотрела на край своей тарелки с таким выражением, словно заранее знала продолжение разговора, до которого остальные ещё не дошли.

После ужина Кирилл собрал тарелки, потому что считал загрузку посудомоечной машины единственной домашней обязанностью, для которой человечеству действительно не следовало нанимать отдельного специалиста. Алина отнесла салат в холодильник. Маргарита хотела помочь, но Глеб неожиданно остановил её, легко коснувшись локтя.

— Оставь, — сказал он. — Сядь лучше. Нам всё равно надо поговорить.

Маргарита посмотрела на мужа. Простые слова вдруг изменили весь воздух в комнате. Даже шум воды на кухне стал слышен отчётливее, а знакомая квартира, где каждый предмет стоял на своём месте годами, неожиданно показалась декорацией, приготовленной к сцене, о которой одна актриса почему-то не получила текста.

— О чём? — спросила она.

Глеб не ответил сразу. Он дождался, пока Кирилл вернётся из кухни, попросил Алину тоже сесть и сам занял прежнее место. Яна осталась стоять возле окна. Она явно собиралась уходить: сумка уже висела на плече, в руках были ключи от машины.

— Я, наверное, поеду, — сказала она тихо, посмотрев на Глеба. — Это семейный разговор. Мне здесь правда нечего делать.

Маргарита почему-то ожидала, что муж согласится. Вместо этого Глеб поднял на Яну глаза и покачал головой. — Останься. Ты слишком долго была рядом со мной во всём этом, чтобы теперь делать вид, будто тебя это не касается.

Наступила тишина. Алина опустила взгляд, Кирилл непонимающе посмотрел сначала на отца, потом на Яну. Маргарита почувствовала, как внутри неё медленно, пока ещё совершенно без причины, начало холодеть.

— Во всём чём? — спросила она и сама услышала, насколько спокойно прозвучал собственный голос.

Глеб провёл ладонью по лицу. Этот жест Маргарита знала много лет: так он делал перед неприятными разговорами с родителями учеников, так сидел перед увольнением провинившегося завхоза, так однажды сообщил Кириллу, что их старую собаку пришлось усыпить, пока сын был на занятиях. Глеб умел готовиться к плохим новостям. Он всегда немного наклонял голову, на несколько секунд закрывал глаза и словно заранее принимал на себя тяжесть того, что вынужден сказать.

— Я не хотел говорить об этом сегодня, — начал он, обращаясь почему-то не к жене, а сразу к детям. — На самом деле я вообще не хотел, чтобы вы когда-нибудь оказались в это втянуты.

Маргарита медленно выпрямилась на стуле. — Глеб, перестань ставить спектакль и скажи нормально, что произошло.

Муж посмотрел на неё с болью, которая показалась Маргарите почти настоящей. — Ты прекрасно знаешь, что произошло.

Первым отреагировал Кирилл. — Пап, вы можете без вот этого? — попросил он, раздражённо махнув рукой. — Если вы опять из-за чего-то поругались, мы с Алиной как-нибудь переживём. Нам уже не десять.

— Речь не о ссоре, — ответил Глеб и достал телефон. Он некоторое время держал его в руке, словно ещё мог передумать, а потом положил на стол экраном вверх. — Я несколько месяцев пытался понять, что происходит. Потом перестал себя обманывать.

На экране была переписка Маргариты с Антоном.

Она узнала её сразу. Не содержание — сначала сам вид: серые и синие прямоугольники сообщений, фотография Антона в маленьком круглом значке, дата сверху. Первый показанный фрагмент начинался с его слов: «Останься, когда остальные уйдут. Хочу побыть с тобой без детей хотя бы двадцать минут». Ниже был её ответ: «Хорошо. Если переживём сегодняшнюю репетицию». Следом стоял улыбающийся значок и сообщение Антона: «С тобой переживу».

Маргарита моргнула. Она знала этот разговор. Конечно, знала. Антон писал о расставании сцены, о тех самых двадцати минутах, которые они обсуждали сегодня, только этот фрагмент был из предыдущей репетиции. До него шло длинное обсуждение стоек, оркестра, старшей группы и необходимости выгнать всех детей из зала, чтобы спокойно измерить расстояние.

— И что? — спросила Маргарита, искренне не понимая, куда именно должен вести этот цирк.

Глеб провёл пальцем по экрану. Появилось следующее сообщение: «Спасибо за вечер. Ты меня сегодня спасла». Её ответ: «Я вообще прекрасный человек, просто ты поздно заметил». Потом Антон: «Добралась?» Маргарита: «Да. Можешь спать спокойно». Дальше стояло красное сердечко — не от неё к Антону, а реакция Антона на сообщение.

Алина отвернулась первой.

Маргарита увидела это движение и только тогда поняла, что Глеб показывает всё это не ей. Ей ничего доказывать не требовалось. Она знала, где находилась, знала, о чём говорила, знала, что «спасибо за вечер» появилось после репетиции, на которой Антон перепутал папки и

она полчаса спасала порядок произведений. Но для человека, который видел только эти четыре строчки, разговор действительно выглядел иначе.

— Это работа, — сказала она и потянулась к телефону мужа. — Покажи выше.

Глеб не убрал телефон. Напротив, развернул экран к ней удобнее. — Конечно. Покажи им всё, что хочешь.

Эта готовность на мгновение сбила Маргариту сильнее любого сопротивления. Она ожидала, что муж отдернет руку, запретит листать, начнёт спорить. Вместо этого он словно заранее знал, что увидит каждый человек за столом.

Маргарита достала собственный телефон. Пальцы почему-то плохо слушались, экран не сразу распознал отпечаток, и это маленькое техническое упрямство вдруг разозлило её почти до дрожи. — Вот, — сказала она, найдя нужный день. — Смотрите. Здесь перед его фразой двадцать сообщений о сцене. «Останься, когда остальные уйдут» — потому что нам надо было переставить стойки. Вот. Читайте.

Кирилл тут же наклонился ближе. — Дай сюда.

Но Алина даже не посмотрела. — Мам, дело же не в одной этой фразе.

Маргарита медленно повернула голову к дочери. — А в чём?

Алина стиснула губы. Она выглядела не злой, а несчастной, и это было куда хуже. — В том, что таких фраз десятки.

— Потому что мы работаем вместе десятки дней, — ответила Маргарита. — Я с ним переписываюсь о работе. Иногда шучу. Представляешь, взрослые люди иногда шутят.

Глеб не вмешивался. Он сидел рядом, сложив руки перед собой, и позволял ей объясняться. Именно это вдруг стало самым страшным. Человек, который хотел победить в споре, обычно перебивал. Глеб словно ждал, пока она сама скажет всё, что должна сказать.

— А это тоже работа? — спросила Алина и наконец посмотрела матери прямо в глаза.

Глеб перелистнул изображение. На экране появилась фотография после концерта в небольшом зале. Маргарита стояла рядом с Антоном, прижавшись плечом к его груди, его рука лежала у неё на спине. В кадре больше никого не было.

— Господи, — выдохнула Маргарита и даже рассмеялась от абсурдности увиденного. — Это та фотография, где нас человек двадцать.

Она быстро открыла галерею, нашла снимок и положила свой телефон рядом с телефоном Глеба. На оригинале действительно стояла вся группа: дети в концертной форме, несколько преподавателей, музыканты, родители. Антон находился рядом с Маргаритой, потому что за минуту до съёмки она поскользнулась на мокрых ступенях, и он поддерживал её за талию. На телефоне Глеба фотографию обрезают настолько аккуратно, что сохранилась даже часть красного занавеса сзади, но исчез каждый посторонний человек.

Кирилл нахмурился. — Пап, это уже странно.

— Я фотографию не делал, — спокойно ответил Глеб. — Я показал именно то, что меня заинтересовало. Маргарита и Антон. То, как они стоят. Всё остальное не меняет того, что происходит между ними.

— Между нами ничего не происходит, — Маргарита почувствовала, как голос начинает становиться громче, и заставила себя говорить тише. — Глеб, ты вообще понимаешь, насколько идиотски это выглядит? Ты вырезал из фотографии остальных людей и теперь рассказываешь детям, что я тебе изменяю?

— Я ничего не вырезал для того, чтобы тебя оболгать, — ответил он. — Я пытался понять то, что видел месяцами.

— Что ты видел месяцами? Как я хожу на работу?

— Как ты возвращаешься домой в десять вечера и улыбаешься телефону, — впервые голос Глеба стал жёстче. — Как ты упоминаешь Антона по десять раз за вечер. Как едешь с

ним в другой город на две ночи. Как он пишет тебе поздно вечером, добралась ли ты домой, и ставит сердечки под ответами.

Маргарита смотрела на мужа и чувствовала, как изумление постепенно вытесняет злость. Он говорил не как ревнивец, потерявший голову. Каждая фраза была подготовлена. Каждое событие лежало на предназначенном ему месте, как тарелка на этом слишком аккуратно накрытом столе.

— В Тверь ездило сорок три человека, — сказала она, повернувшись к Алине. — В том числе пятнадцать детей. Если я собралась изменять отцу, то выбрала для этого потрясающую компанию.

Глеб молча открыл ещё один файл. Это был фрагмент гостиничного списка: «Белецкий Антон Ильич» и сразу под ним «Крылова Маргарита Сергеевна», рядом номера комнат. Больше на изображении ничего не было.

Маргарита даже закрыла глаза. — Да вы издеваетесь.

— Мам... — начала Алина, но она подняла ладонь.

— Подожди. Просто подожди минуту, — Маргарита нашла в почте письмо организаторов, открыла прикрепленный список и показала детям. — Вот весь документ. Сорок три фамилии. Антон стоит передо мной, потому что список по руководителям групп, а не потому, что нас поселили в любовном гнезде. У него номер четыреста восемнадцать, у меня триста шесть. Даже этажи разные.

Кирилл взял телефон матери и начал листать документ. — Это правда.

— Я не говорил, что номера были рядом, — ответил Глеб и посмотрел на сына. — Я сказал, что они вместе ездили. И что я слишком долго не хотел видеть общую картину.

— Какую общую картину? — Маргарита повернулась к нему всем телом. — Ты сейчас показал детям три доказательства. Первое оказалось рабочим разговором, второе — обрезанной общей фотографией, третье — списком из сорока человек, от которого ты оставил две фамилии. Что ещё у тебя есть? Антон однажды передал мне соль через стол? Может, тоже где-нибудь сфотографировали?

Яна неожиданно поднялась. — Я всё-таки уйду, — сказала она тихо. Лицо у неё было бледным, и теперь Маргарита впервые заметила, что за весь этот разговор Яна почти не приоткрылась ни к воде, ни к вину. — Глеб, правда. Это неправильно. Им нужно говорить без меня.

— Сядь, пожалуйста, — попросил Глеб и впервые посмотрел на неё не как на случайную свидетельницу. В его голосе появилась усталость, почти благодарность. — Ты была единственным человеком, с которым я мог обо всём этом говорить последние недели. Если бы не ты, я вообще не знаю, как бы всё это выдержал.

Маргарита перевела взгляд на Яну. Та не села сразу, несколько секунд стояла возле окна, сжимая ремень сумки. Потом медленно опустилась обратно на стул.

Именно в этот момент что-то внутри Маргариты сдвинулось.

Пока она защищалась от абсурдных обвинений, Яна была почти незаметна. Давняя знакомая семьи, сотрудница Глеба, человек, случайно оказавшийся не в то время не в том доме. Теперь же оказалось, что последние недели муж обсуждал с ней предполагаемую измену жены. Не с братом, которого у него не было, не с другом, не с психологом, не с взрослым сыном. С Яной.

— А ты, значит, всё знала? — спросила Маргарита.

Яна посмотрела на неё. — Я знала, что Глебу тяжело.

— Это не ответ.

— Рита, я не хочу вмешиваться, — Яна говорила осторожно, подбирая каждое слово. — Он был в очень плохом состоянии. Я просто слушала.

Маргарита почувствовала, как злость внутри стала холоднее. Не сильнее — именно холоднее. — Как благородно.

— Мам, не надо на неё, — неожиданно сказала Алина.

Маргарита резко повернулась к дочери. — Что?

— Яна вообще ни при чём, — Алина сжала ладони на коленях. — Она, наоборот, всё это время говорила папе не торопиться и не делать выводов.

Комната на мгновение словно отдалилась. Маргарита слышала работающую на кухне посудомоечную машину, дождь за стеклом, тихое гудение холодильника. Все эти бытовые звуки продолжали существовать так, будто ничего особенного не происходило, и от этого становилось особенно мерзко.

— «Всё это время»? — переспросила она. — Алина, откуда ты знаешь, что происходило всё это время?

Дочь побледнела. Глеб тут же вмешался: — Не надо.

— Нет, Глеб, теперь именно надо, — Маргарита не повысила голос, но муж замолчал. Она снова посмотрела на Алину. — Откуда ты знаешь?

Алина отвела глаза. — Папа со мной говорил.

Маргарита медленно откинулась на спинку стула. — Когда?

— Мам...

— Когда, Алина?

— Несколько недель назад.

Кирилл перестал листать телефон и поднял голову. Судя по лицу, для него эта часть разговора тоже была новой. — В смысле говорил?

— Он ничего мне не рассказывал, — торопливо сказала Алина. — Просто спрашивал... Не замечаю ли я чего-нибудь. Потом сказал, что, наверное, сам себя накручивает и не хочет говорить плохо о маме.

Маргарита посмотрела на Глеба. Муж сидел неподвижно.

— Что именно ты спрашивал?

— Маргарита, хватит, — сказал он с тихой усталостью. — Не превращай это в допрос ребёнка.

— Ей двадцать три года, — ответила Маргарита. — А ты несколько недель обсуждаешь с ней мою предполагаемую измену и только сейчас вспомнил, что она ребёнок?

Алина покраснела. — Он не обсуждал измену. Папа спросил, не кажется ли мне странным, что ты всё время задерживаешься. Потом спросил про поездку. И про Антона.

— Сколько раз?

— Не знаю. Несколько.

— И каждый раз говорил, что не хочет говорить обо мне плохо?

Дочь замолчала. Именно молчание и стало ответом.

Маргарита вдруг увидела весь сегодняшний вечер иначе. Вопрос Алины о Белецком. Вопрос о поездке. Её нежелание читать переписку полностью. Даже выражение лица дочери в тот момент, когда Глеб впервые положил телефон на стол. Она не столкнулась с обвинением сегодня. Её уже несколько недель осторожно подвели к нему, по одному маленькому сомнению за раз.

Глеб потянулся к её руке, но Маргарита убрала ладонь прежде, чем он коснулся. — Рит, я действительно пытался сначала убедиться, что не схожу с ума. Я не хотел бросаться на тебя с подозрениями.

— Поэтому пошёл к нашей дочери.

— Я спросил её мнение.

— О том, изменяет ли её мать отцу.

— Я не ставил вопрос так.

— Конечно не ставил, — Маргарита коротко усмехнулась. Теперь многое становилось яснее, и от этой ясности ей не становилось легче. — Ты просто спрашивал, не кажется ли ей

странным, что я задерживаюсь. Потом напоминал про Антона. Потом про поездку. А потом каждый раз благородно замолкал, потому что не хотел говорить плохо о собственной жене.

Глеб стиснул челюсти. — Я пытался защитить детей.

— От чего?

Он не ответил сразу. Яна снова опустила глаза.

— От того, что происходит между нами, — наконец сказал Глеб.

— Между нами происходит только одно: последние пятнадцать минут ты пытаешься убедить наших детей, что у меня любовник.

— Я пытаюсь наконец перестать лгать самому себе.

Кирилл неожиданно ударил ладонью по столу, не сильно, но достаточно, чтобы бокалы звякнули. — Можно я хотя бы пойму, что происходит? — спросил он, заметно злясь. — Пап, у тебя есть хоть что-нибудь, кроме этих скринов? Потому что пока мама всё объяснила.

Глеб повернулся к сыну. — В этом и проблема. Каждую отдельную вещь можно объяснить.

— Тогда зачем ты её показываешь?

— Потому что вместе они складываются в картину.

— Это не картина, — вмешалась Маргарита. — Это коллаж.

Глеб посмотрел на неё с таким выражением, словно она специально пыталась превратить серьёзный разговор в фарс. — Ты можешь шутить сколько угодно. Я тоже долго шутил. Потом перестал.

— А я ещё не начала.

Алина закрыла лицо ладонями. — Господи, мам, почему ты просто не можешь сказать нормально?

Маргарита повернулась к дочери. — Что сказать?

Алина опустила руки. В глазах стояли слёзы, хотя голос оставался твёрдым. — Что между вами ничего нет. Не объяснять каждое сообщение, не смеяться над папой. Просто сказать.

На секунду Маргарита почувствовала почти физическую боль, где-то под грудью, словно дочь действительно ударила её туда кулаком. Не потому, что вопрос был несправедливым. Потому что Алина уже ждала определённого ответа и заранее решила, что любое другое поведение матери будет выглядеть как уловка.

— Между мной и Антоном ничего нет, — сказала Маргарита спокойно. — Никогда не было. Я не изменяла вашему отцу. Ни один раз, ни полраза, ни мысленно по вторникам после обеда. Это достаточно нормально?

Алина посмотрела на отца.

Вот это движение оказалось хуже всего.

Не на мать после её прямого ответа. На отца — словно именно он должен был определить, заслуживают ли слова доверия.

Глеб закрыл глаза и тяжело выдохнул. — Я бы очень хотел тебе поверить.

Маргарита смотрела на него, не моргая. За двадцать пять лет она видела этого человека разным: молодым и испуганным возле роддома, пьяным от счастья после рождения Алины, злым, больным, растерянным, смешным, униженным после первой серьёзной неудачи в работе, самодовольным после назначения директором. Она знала, как Глеб врёт в мелочах, как уходит от неприятного ответа, как злится, когда его ловят на забытом обещании. Но такого выражения лица она не знала.

Он страдал правильно.

Не слишком сильно, чтобы выглядеть истеричным. Не слишком мало, чтобы показаться безразличным. Страдал достойно, сдержанно, почти красиво, как человек, который месяцами нёс тяжёлую ношу один и наконец вынужден был положить её на семейный стол рядом с салатом, недопитым вином и тарелкой остывшего мяса.

Маргарита медленно перевела взгляд на Яну. Та сидела совершенно неподвижно, сложив пальцы на коленях, и смотрела куда-то в сторону кухни. Потом на Алину, красноглазую, напряжённую, заранее подготовленную к материнскому предательству. Потом на Кирилла, который всё ещё держал её телефон и выглядел единственным человеком в комнате, не получившим инструкции заранее.

Суд действительно начался не сегодня.

Сегодня Маргариту только привели в зал.

Глава 2. Виноватой быть проще

Алина ушла первой. Она долго собиралась в прихожей, хотя вещей у неё было всего ничего: сумка, пальто и маленький пакет с контейнером еды, который Кирилл зачем-то успел сунуть ей в руки со словами, что раз уж семья сегодня официально разваливается, то хотя бы запечённое мясо не должно пропадать зря. Шутка вышла плохая, никто не засмеялся, даже сам Кирилл сразу пожалел, что произнёс её вслух, и теперь стоял у двери, натягивая ботинки с таким выражением лица, будто собирался не домой, а на ночную смену в морг. Маргарита сидела в комнате и смотрела на детей через открытый проём, не зная, что именно должна сейчас сделать: подойти, обнять, потребовать остаться, ещё раз показать переписку или просто дать им уйти и пережевать всё без её участия. За двадцать пять лет материнства она привыкла считать, что на любой детский страх существует правильное действие, нужно только вовремя его отыскать. Сегодня правильного действия не было.

— Мам, я завтра позвоню, ладно? — Кирилл задержался у двери, уже одетый, с ключами от машины в руке. Он смотрел на неё поверх плеча Алины и явно хотел сказать больше, но сестра стояла рядом, Глеб находился в комнате, а семейный вечер и без того успел набрать достаточно мерзости для одного раза. — Я просто... хочу подумать. И ты, пожалуйста, тоже ничего сейчас не делай на эмоциях, хорошо?

Маргарита почти улыбнулась. Сыну было двадцать лет, но временами он разговаривал с ней таким тоном, словно именно ему пришлось вырастить двух взрослых людей, которые в отсутствие присмотра умудрились устроить себе катастрофу. — Я постараюсь не поджигать дом до утра, — ответила она, и Кирилл всё-таки коротко усмехнулся. — Езжай осторожно. Дождь не закончился, а твои дворники по-прежнему размазывают воду, а не убирают.

— Я поменял их две недели назад, — возмутился он по привычке, и на одну короткую секунду всё стало почти нормальным. Потом Кирилл посмотрел на отца, улыбка исчезла, он натянул капюшон и тихо добавил: — Пап, тебе я тоже завтра позвоню.

Глеб кивнул, не вставая из-за стола. Он выглядел уставшим, но собранным, как человек после очень неприятного собрания, на котором обсуждали сокращение бюджета или чьё-нибудь увольнение. — Хорошо, сын. Не торопитесь ни с какими выводами, пожалуйста, — сказал он и посмотрел на Алину. — Оба. Я именно этого от вас и хотел.

Маргарита перевела на него взгляд. Он хотел, чтобы дети не торопились с выводами, после того как несколько недель осторожно подводил дочь к определённом выводу, а сегодня выложил на стол подготовленные куски чужой переписки. Воистину, человеческое чувство меры иногда обладало удивительной гибкостью: особенно когда приходилось измерять собственные поступки.

Алина так и не подошла к матери. Она застегнула пальто, поправила волосы у зеркала и некоторое время смотрела на своё отражение, словно пыталась выяснить у девушки по ту сторону стекла, что делать дальше. Потом наконец повернулась. Глаза у неё были красные, на нижнем веке размазалась тушь, и Маргарита вдруг очень ясно вспомнила другую Алину — пятнадцатилетнюю, зарёванную после первой подростковой любви, сидящую у неё на кухне и уверяющую, что никогда больше не сможет доверять ни одному мужчине. Тогда Маргарита всю ночь заваривала ей чай, слушала историю о мальчике, фамилию которого уже давно не помнила, и объясняла, что люди иногда делают друг другу больно не потому, что весь мир устроен плохо. Сейчас дочь сама смотрела на мать как на человека, который сделал больно её отцу.

— Я правда хочу тебе верить, — сказала Алина, и от этих слов в груди у Маргариты что-то неприятно сжалось. Дочь стояла в собственной прихожей, в её старом свитере, который

когда-то увезла отсюда, и говорила так осторожно, будто разговаривала с больным человеком. — Просто мне нужно время. Папа ведь тоже не придумал всё это за один вечер.

Маргарита посмотрела на Глеба. Он не отвёл глаз и даже не попытался исправить дочь. — Это единственная часть сегодняшнего разговора, в которой ты совершенно права, — ответила Маргарита и поднялась со стула. — Он действительно не придумал всё это за один вечер.

Алина вздрогнула, поняв смысл, но спорить не стала. Она коротко попрощалась с Яной, обняла Кирилла за плечи и вышла на лестничную площадку. Маргарита всё-таки проводила детей до двери, потому что двадцать пять лет привычки не исчезают даже тогда, когда за семейным столом только что объявили тебя изменницей. Она стояла у открытой двери, пока лифт не закрылся, слышала ещё несколько секунд голоса детей за металлическими створками, потом кабина поехала вниз, и подъездная тишина вернулась на своё место.

Маргарита закрыла дверь и некоторое время держалась за ручку. Металл был холодным. На полке рядом лежали старые ключи Алины с брелоком в виде синего кота, которые дочь забывала забрать уже третий год, хотя давно не жила здесь. Кирилл когда-то наклеил на дверной косяк маленькую чёрную полоску, отмечая свой рост в четырнадцать лет, и Глеб всё собирался её стереть во время очередного ремонта, но Маргарита каждый раз запрещала. Дом был забит такими следами семейной жизни, о существовании которых человек даже не помнит, пока семья не начинает трещать по швам.

Когда она вернулась в комнату, Яна всё ещё сидела на своём месте.

Это поразило Маргариту сильнее, чем должно было. До этого Яна дважды собиралась уйти, держала сумку на плече, предлагала оставить семью наедине, делала всё, что полагается делать постороннему человеку, случайно оказавшемуся внутри чужой беды. Теперь сумка лежала на соседнем стуле. Яна сняла её с плеча.

Глеб тем временем собирал бокалы. Он взял недопитый бокал Кирилла, потом Алины, отнёс их на кухню, вернулся за тарелками и сделал всё это с какой-то домашней размеренностью, от которой Маргариту начало тошнить сильнее, чем от любого крика. Ей хотелось, чтобы он наконец сорвался, повысил голос, ударил кулаком по столу, сделал хоть что-нибудь, что соответствовало масштабу происходящего. Вместо этого муж убирал посуду после семейного ужина.

— Яна, — сказала Маргарита, не садясь. — Думаю, теперь тебе действительно пора домой.

Яна подняла голову. Её лицо изменилось. Та осторожная, почти виноватая маска, с которой она сидела перед детьми, ещё сохранялась, но держалась уже не так крепко. — Рита, я могу уйти, если ты хочешь, — ответила она. — Только, может быть, сначала вам всё-таки стоит спокойно поговорить. Без Алины и Кирилла.

— Нам стоит поговорить без тебя.

Глеб вернулся из кухни и поставил на стол бутылку воды. Потом посмотрел на Яну и тихо произнёс: — Не надо больше.

Маргарита не сразу поняла, к кому относились эти слова. Яна поняла.

Она медленно выпрямилась на стуле. Плечи опустились, будто исчезла необходимость поддерживать неудобную позу, в которой она просидела весь вечер. Потом Яна сняла часы, лежавшие поверх манжеты, и положила их рядом с телефоном. Очень маленькое, совершенно бытовое движение.

— Глеб, — тихо сказала она. — Может, не сейчас.

— Сейчас, — ответил он. — После того, что произошло, изображать дальше какую-то дружбу уже бессмысленно.

Маргарита смотрела на них и чувствовала, как внутри неё становится холодно. Не тот холод, от которого хочется запахнуть пальто или увеличить отопление, а другой, почти физический, поднимающийся от живота к груди. Некоторые вещи человеческий разум понимает

раньше, чем позволяет сформулировать их словами, и сейчас её сознание уже сложило картину, а сама Маргарита всё ещё отказывалась её рассматривать.

— Какую дружбу? — спросила она.

Глеб взял стул и сел напротив. Не рядом с женой, как сидел весь ужин. Напротив.

— Мою с Яной, — ответил он.

Маргарита перевела взгляд на женщину. Яна не отвернулась. Теперь она смотрела прямо, устало, с той особенной готовностью принять удар, которая появляется у человека, заранее решившего, что удар всё равно неизбежен.

— И что с вашей дружбой не так? — спросила Маргарита. Голос прозвучал спокойно, и она даже испытала странное удовлетворение от того, что способен звучать именно так. — Только постарайтесь объяснить словами. Сегодня вы оба уже продемонстрировали выдающиеся способности объяснять чужими фотографиями.

Глеб дёрнул уголок губ, но улыбка не состоялась. — У нас с Яной отношения.

Маргарита молчала.

Он подождал несколько секунд, явно ожидая реакции. Возможно, крика. Возможно, вопроса. Возможно, что жена бросит в него бокал, тарелку или хотя бы первую подвернувшуюся вещь. Маргарита ничего не сделала, поэтому Глебу пришлось продолжить.

— Они начались не вчера, — сказал он. — И не месяц назад.

— Как давно?

— Пятнадцать месяцев.

Маргарита посмотрела на часы Яны, лежащие на столе. Потом на бутылку вина. Потом на тарелку с оставшимся мясом, где жир уже начал застывать белой полосой. Пятнадцать месяцев были слишком большим сроком для одного числа. В пятнадцати месяцах помещался прошлогодний Новый год, день рождения Кирилла, летняя поездка, ремонт в спальне, простуда Глеба, когда она три дня таскала ему лекарства и заставляла пить воду. В них помещалось множество вечеров, когда муж возвращался поздно и говорил, что в лицее опять какой-то кошмар. В них помещалась Яна, несколько раз сидевшая за этим же столом.

— Пятнадцать, — повторила Маргарита, словно проверяя, правильно ли расслышала. — Не пять?

— Пятнадцать.

— То есть год и три месяца.

Глеб кивнул. — Да.

Маргарита подняла взгляд на Яну. — И ты все эти пятнадцать месяцев приходила сюда? Яна едва заметно напряглась. — Иногда.

— На мой день рождения тоже приходила?

— Да.

— Отлично. А Новый год?

— Рита...

— Я спрашиваю.

Яна сглотнула. — Да.

Маргарита вспомнила новогоднюю ночь. Яна тогда приехала около девяти, потому что якобы не хотела встречать праздник одна после ссоры с мужчиной, с которым недолго встречалась. Именно Глеб предложил позвать её. Маргарита ещё пожалела бедную женщину, открыла вторую бутылку шампанского, вытащила из морозилки запасное мясо и до двух часов ночи сидела рядом с любовницей собственного мужа, обсуждая фильмы, работу и то, почему после сорока знакомства превращаются в отдельную разновидность наказания.

Она засмеялась. Тихо, почти беззвучно.

Яна побледнела.

— Это даже красиво, — сказала Маргарита, качнув головой. — На Новый год ты рассказывала мне про какого-то мужчину, который не готов к серьёзным отношениям. Это был мой муж или вы для достоверности придумали ещё одного?

— Был другой человек раньше, — ответила Яна и тут же сама поняла, насколько нелепо прозвучало оправдание. — Я не хотела над тобой издеваться.

— Конечно. Ты просто ела мой салат.

Глеб резко выдохнул. — Рит, не надо превращать это в унижение Яны.

Маргарита медленно повернула голову. — Что?

— Она не виновата одна.

— Какая великодушная формулировка. Не одна.

— Я хочу сказать, что решение принимали двое взрослых людей.

— Глеб, я пока даже не начинала унижать её, — Маргарита опёрлась ладонями о спинку стула и наклонилась вперёд. — Я просто выясняю, насколько долго женщина, которая спит с моим мужем, приходила в мой дом и изображала мою знакомую.

Яна сжала губы. — Я понимаю, как это выглядит.

— Не сомневаюсь. У тебя было пятнадцать месяцев посмотреть.

Глеб поднялся и прошёл к окну. Он всегда двигался во время сложных разговоров, словно необходимость ходить помогала раскладывать мысли в правильном порядке. Маргарита знала эту привычку лучше любой другой. Сейчас её особенно раздражало, что даже в момент признания в пятнадцатимесячной измене муж остаётся всё тем же Глебом, которого она умеет читать по движениям.

— Я давно должен был тебе сказать, — начал он. — И собирался. Много раз.

— Что мешало?

— Всё.

— Очень содержательно.

— Дом, дети, моя работа. Ты. Я сам.

Маргарита посмотрела на него. — Дети живут отдельно.

— Сейчас — да. Но для тебя ведь это ничего не меняет. Ты сама сегодня чуть не развалилась от того, как Алина на тебя посмотрела.

Фраза попала точно. Маргарита выпрямилась.

— Не смей.

— Я не пытаюсь причинить тебе боль. Я объясняю.

— Ты уже объяснил моим детям, что я изменяю их отцу.

— Я не говорил, что ты физически ему изменяешь.

Маргарита несколько секунд просто смотрела на мужа. Потом усмехнулась. — Ах, вот как. Значит, всё хорошо. Извиняюсь.

Глеб раздражённо провёл ладонью по волосам. — Не цепляйся к словам. Я говорил о том, что между тобой и Антоном возникла близость. Она очевидна.

— Тебе.

— Не только мне.

Маргарита перевела взгляд на Яну. Та опять ничего не сказала, но её молчание оказалось достаточно красноречивым.

— Прекрасно, — произнесла Маргарита. — Значит, сейчас у нас новая версия. Пятнадцать месяцев ты спишь с Яной, но проблема заключается в моей близости с Антоном, которая появилась, видимо, примерно в тот момент, когда вы решили, что она вам нужна.

— Я не оправдываю наши отношения твоими.

— Моих отношений нет.

— Хорошо. Твоей эмоциональной близостью.

— Нет никакой эмоциональной близости, о которой ты говоришь.

Глеб повернулся к ней. — Рита, ты улыбаешься, когда он пишет.

— Я улыбаюсь, когда мне пишут смешное.

— Ты возвращаешься после репетиций другим человеком.

— Потому что я занимаюсь любимой работой.

— Ты несколько месяцев говоришь о нём дома.

— Потому что мы несколько месяцев делаем концерт.

Глеб замолчал. В его лице появилось раздражение человека, которому собеседник сознательно отказывается видеть очевидное. Маргарита знала это выражение. Именно так он смотрел на родителей учеников, когда те объясняли, почему их чудесному ребёнку можно опаздывать каждый день и хамить учителям.

— Ладно, — сказал он. — Допустим.

— Какая щедрость.

— Допустим, между вами ничего нет. Даже эмоционально. Это не отменяет того, что наш брак закончился раньше.

Маргарита почувствовала, что теперь они наконец приблизились к настоящему разговору. Не к Антону, не к фотографиям, не к Яне. К тому, что Глеб приготовил заранее и ради чего понадобилось всё остальное.

— Когда именно? — спросила она.

— Я не могу назвать дату.

— А пятнадцать месяцев назад можешь?

Он посмотрел на неё тяжело. — Яна появилась не потому, что у нас всё было хорошо.

— Нет, Глеб. Яна появилась потому, что ты решил спать с Яной. Всё остальное можно обсудить отдельно.

Яна наконец вмешалась. — Рита, он действительно долго был несчастлив.

Маргарита повернула голову медленно. — Ты очень хорошо осведомлена о моём браке.

— Он со мной разговаривал.

— Какая неожиданность.

— Я понимаю твою злость.

— Нет, — Маргарита покачала головой. — Не понимаешь. Потому что ты всё ещё сидишь в моём доме рядом с моим мужем и объясняешь мне, что он был несчастлив. Если бы ты понимала хотя бы половину того, что сейчас происходит, ты бы молчала.

Яна поджала губы, но спорить не стала. Глеб тут же посмотрел на неё почти с благодарностью, и этот взгляд снова задел Маргариту. Не нежностью. Привычностью. Они действительно разговаривали. Много. Долго. Они успели построить отдельное пространство, где Глеб рассказывал о жене, а Яна слушала и постепенно становилась человеком, который знает, каким был их брак на самом деле.

— И зачем тогда нужен был сегодняшний вечер? — спросила Маргарита. — Если всё закончилось, если ты пятнадцать месяцев живёшь с другой женщиной хотя бы частью своей жизни, зачем Антон? Зачем эта фотография, список гостиницы, разговоры с Алиной? Скажи честно хотя бы сейчас.

Глеб снова сел. Он налил себе воды и выпил почти половину стакана. Потом аккуратно поставил его на стол, точно боялся оставить мокрый след.

— Потому что просто сказать правду было бы недостаточно.

Маргарита прищурилась. — Недостаточно для чего?

— Чтобы всё не превратилось в катастрофу.

— Ты уже спишь с сотрудницей пятнадцать месяцев. Я подозреваю, катастрофа вполне состоялась без дополнительной помощи.

— Рита, перестань на минуту язвить и послушай.

Маргарита хотела ответить, но передумала. Ей действительно стало интересно. Если человек после всего этого требует дать ему возможность спокойно объяснить логику, значит логика обещает быть выдающейся.

Глеб сложил руки перед собой. — Яна несколько месяцев назад сказала мне, что больше так не может. Я её понимаю. Пятнадцать месяцев нельзя жить в промежутке между работой и редкими вечерами. Нельзя постоянно прятаться, отменять планы, придумывать, где ты был.

— Трудная жизнь.

— Да, трудная, — неожиданно жёстко ответил Глеб. — И я знаю, что сам её выбрал.

— Уже прогресс.

— Я должен был решить, что делать дальше. Либо заканчивать отношения с Яной, либо заканчивать наш брак. Я выбрал второе.

Маргарита почувствовала боль, но она оказалась неожиданно глухой. Наверное, потому что главная боль уже пришла раньше, вместе с пятнадцатью месяцами. Теперь муж просто оформлял словами то, что и так существовало.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда подаём на развод. Всё.

— Нет, не всё.

— Конечно. Было бы слишком просто.

Глеб на секунду прикрыл глаза. — Меня рассматривают на должность выше той, которую я занимаю сейчас.

Маргарита несколько секунд ждала продолжения. — Поздравляю.

— Это не только вопрос денег.

— Я знаю, что для тебя никогда ничего не бывает только вопросом денег. Обычно есть ещё табличка на двери.

Яна недовольно дёрнулась, но Глеб проигнорировал шутку. — Там большая ответственность, городские программы, работа с несколькими школами. Я давно к этому шёл.

— И любовница-сотрудница выглядит в резюме не очень?

— Не передёргивай.

— Тогда объясни нормально.

— Я объясняю. Если сейчас я развожусь с тобой и через месяц открыто появляюсь с Яной, что увидят люди?

Маргарита даже не стала отвечать. Глеб сделал это сам.

— Директор лицея двадцать пять лет женат, дети взрослые, семья известна всем. Потом внезапно бросает жену ради женщины, которая работает рядом с ним. Именно так это будет выглядеть.

— Потому что именно это и происходит.

— Это только часть происходящего.

— Нет, Глеб. Именно это и происходит.

Он выдохнул. — Алина Яну не примет.

Маргарита замерла.

Вот оно.

Не должность. Не коллеги. Не городские программы. Всё это действительно имело значение, но Глеб дошёл до настоящего только теперь.

— Алина её любит, — продолжил он. — Сейчас. Как человека, которого давно знает. Но если узнает, что Яна была со мной пятнадцать месяцев, пока я жил с тобой, она никогда не сможет относиться к ней нормально.

— Бедная Яна.

— Не надо.

— Нет, мне действительно жаль. Столько труда насмарку.

Глеб проигнорировал. — Кирилл проще. Он злится, потом остывает. Алина — нет. Ты знаешь её характер.

Маргарита знала. Дочь была категорична в вопросах предательства. Когда её институтская подруга начала встречаться с бывшим мужчиной другой подруги, Алина не разговаривала с ней почти год. Это казалось чрезмерным, но Глеб всегда восхищался принципиальностью дочери.

Теперь эта принципиальность стала проблемой.

— И ты решил решить её моей репутацией, — медленно произнесла Маргарита.

Глеб нахмурился. — Я решил сделать переход менее болезненным для всех.

— Каким образом?

— Если дети увидят, что наш брак закончился не из-за Яны, всё будет иначе.

Маргарита смотрела на него и почти физически ощущала, как отдельные кусочки сегодняшнего вечера встают на место. Подготовленные вопросы Алины. Обрезанная фотография. Яна, которую Глеб оставил за столом как свидетеля собственного страдания. Его поцелуй в висок. Вино. Правильная забота. Муж не пытался убедить детей в её измене ради мести. Месть была бы проще, почти понятнее. Он решал практическую задачу.

— Поэтому Антон, — сказала Маргарита.

— Да.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Она всё-таки ожидала хоть какого-нибудь стыда. Паузу. Попытку смягчить. Но Глеб просто подтвердил.

— Ты выбрал мне любовника.

— Не говори так.

— А как говорить?

— Я не выдумал Антона.

— Ты выдумал отношения с ним.

— Я показал то, что существует.

Маргарита засмеялась уже громче. — Глеб, полчаса назад мы при детях открыли полный список, полную фотографию и полную переписку.

— Но близость существует.

— Как тебе удобно.

— Она действительно существует, Рита. Может быть, ты сама пока не хочешь этого признать.

Маргарита некоторое время смотрела на мужа, а потом на Яну. — Вы это вместе придумали?

Яна резко подняла голову. — Нет.

— Хорошо. Тогда он сам пришёл к тебе и сказал: «Я хочу объяснить детям, что жена увлеклась другим мужчиной, чтобы потом они приняли тебя»?

Яна молчала.

— Вот теперь я вижу ответ.

— Всё было не так, — сказала она наконец.

— Расскажи.

Яна посмотрела на Глеба. Тот едва заметно качнул головой, и этот маленький жест Маргарита заметила сразу.

— Нет, нет, — произнесла она. — Не смотри на него. Сегодня мы уже достаточно насмотрелись, как все проверяют ответы по Глебу. Расскажи сама.

Яна провела пальцами по краю стола. — Мы обсуждали, как сказать детям. Глеб боялся их реакции.

— И?

— Он говорил, что ты и Антон стали очень близки.

— И?

— Что, возможно, для всех будет легче, если не делать из наших отношений единственную причину развода.

Маргарита медленно кивнула. — То есть да.

— Я не выбирала сообщения.

— Фотографию?

Яна опять замолчала.

Глеб вмешался. — Хватит.

— Нет, теперь мне интересно.

— Это моя идея.

— А Яна просто помогала тебе страдать?

Глеб ударил ладонью по столу. Негромко, но впервые за вечер действительно потерял самообладание. — Да что ты хочешь услышать?!

Маргарита почувствовала странное облегчение. Наконец-то. Живой человек появился из-под правильного костюма.

— Правду.

— Я тебе её говорю.

— Пока ты объясняешь, почему мне полезно оказаться виноватой.

Глеб поднялся и снова прошёл к окну. Дождь бил по стеклу мелко и ровно. С улицы поднимался свет фонарей, отражаясь в мокром асфальте, и лицо мужа в стекле казалось немного старше.

— Через несколько дней я хочу, чтобы ты поговорила с детьми, — сказал он.

Маргарита ожидала чего угодно, но всё равно удивилась. — Что?

— Спокойно. Без меня.

— О чём?

— Об Антоне.

— Глеб, у меня нет отношений с Антоном.

— Тебе не нужно говорить, что вы спали.

Она медленно села. Ноги вдруг стали тяжёлыми.

— Продолжай.

Глеб повернулся. — Скажи, что вы сблизились. Что у тебя появились чувства. Что ты сама не заметила, как это произошло. Скажи, что наш брак к тому моменту уже давно был плохим и ты не хотела никому причинять боль.

Маргарита смотрела на него.

— Потом что?

— Потом я поговорю с ними отдельно. Скажу, что тоже виноват, что давно отдалился, что, возможно, подтолкнул тебя к этому.

— Великодушно.

— Я не пытаюсь выглядеть святым.

— Пока получается замечательно.

Глеб стиснул зубы. — Потом, через некоторое время, я скажу им про Яну.

— Как удобно.

— Не сразу.

— Конечно. Надо выдержать приличную паузу, чтобы зритель поверил в развитие персонажа.

— Прекрати.

— Я стараюсь понять постановку.

Яна закрыла глаза.

Глеб подошёл ближе. — Яна будет человеком, который оказался рядом после разрушения нашего брака. Не причиной.

— Хотя была причиной пятнадцать месяцев.

— Не единственной причиной.

— Глеб, ты правда сейчас со мной споришь о формулировке?

— Да, потому что формулировки имеют значение.

Маргарита почувствовала, что вот эта фраза и была настоящим Глебом. Формулировки имеют значение. Не поступки, не даты, не тела в чужих постелях. Правильно расставленные слова способны сделать изменника несчастным человеком, любовницу — поддержкой, а жену — женщиной, которая просто первой ушла душой.

— И что получаю я? — спросила Маргарита.

Глеб нахмурился. — В смысле?

— У сделки же есть вторая сторона. Я объявляю детям, что влюбилась в Антона. Они принимают Яну. Ты идёшь на новую должность не как мужчина, бросивший жену ради соотрудницы, а как благородный человек, чей брак развалился сам собой. Что получаю я?

Яна отвела глаза.

Глеб ответил не сразу. — Спокойный развод.

Маргарита кивнула. — Ещё.

— Я не буду спорить из-за квартиры.

— Она наполовину моя.

— Я знаю.

— Ещё.

— Мы не будем выносить ничего наружу. Никаких скандалов. Друзья, коллеги, родители в лице узнают только то, что мы разошлись.

— За исключением тех людей, которым ты уже рассказал, что я изменяю.

— Я никому не говорил прямо.

Маргарита даже улыбнулась. — Конечно.

— Я готов сделать всё максимально спокойно.

— Как заботливо.

Глеб вернулся за стол и сел ближе. — Рит, послушай. Я понимаю, насколько тебе сейчас больно.

— Не думаю.

— Я понимаю хотя бы часть.

— Нет.

— Хорошо. Допустим, не понимаю. Но я знаю тебя. Через месяц, через два ты сама не захочешь, чтобы дети ненавидели Яну и не разговаривали со мной.

Вот теперь Маргарита почувствовала, как действительно что-то сломалось.

Не брак. Брак сломался давно, судя по всему. Не доверие к мужу — после пятнадцати месяцев оно уже представляло собой довольно бесполезный предмет. Сломалась привычная внутренняя готовность Маргариты искать в его словах хотя бы частицу общего интереса.

Он действительно рассчитывал на неё.

— Почему? — спросила она тихо.

Глеб не заметил перемены. — Потому что ты всегда ставишь детей выше себя.

— И поэтому я должна сказать им, что предала их отца?

— Они тебя простят.

Маргарита почувствовала, как в комнате стало очень тихо.

Яна подняла глаза.

— Что? — переспросила Маргарита.

Глеб, должно быть, понял, что сказал что-то не то, но отступать уже не мог. — Алина может злиться. Неделю, месяц, несколько месяцев. Но ты мать. Она тебя любит.

— А тебя?

— Меня тоже.

— Тогда зачем вся эта история?

Глеб помолчал. Потом сказал: — Потому что меня она может не простить.

Маргарита смотрела на него не мигая.

Он продолжил, уже понимая, что обратной дороги в разговоре нет. — Если она узнает, что я пятнадцать месяцев изменял тебе с Яной, всё будет иначе. Ты знаешь Алину. Для неё это чёрное и белое. Она перестанет со мной разговаривать. Может быть, на годы.

— А со мной?

— С тобой не перестанет навсегда.

— То есть мне безопаснее быть виноватой.

Глеб выдохнул. — Если совсем грубо — да.

Маргарита не сразу почувствовала, что улыбается.

— Виноватой быть проще.

— Не так.

— Именно так.

— Рита...

— Нет, подожди. Я хочу понять. Ты пятнадцать месяцев изменяешь мне. Потом решаешь уйти к любовнице. Но поскольку дочь может тебя за это ненавидеть, ты предлагаешь мне взять часть твоей вины на себя, потому что меня дочь всё равно простит.

— Я не говорю, что ты должна взять всю вину.

— Как щедро.

— Я возьму свою часть.

— Какую?

Глеб замолчал.

Маргарита наклонилась ближе. — Что ты скажешь Алине? «Да, дочь, я был плохим мужем. Я слишком много работал. Я отдалился. Поэтому мама влюбилась в другого, а потом меня поддержала добрая Яна». Так?

Он ничего не ответил.

— Именно так.

— Я скажу, что тоже совершал ошибки.

— Но не изменял.

— Не сразу.

— А когда?

— Позже.

— Когда Алина уже привыкнет к Яне?

Глеб посмотрел на жену с раздражением. — Зачем ты делаешь из меня какого-то манипулятора?

Маргарита рассмеялась. Теперь уже искренне, хотя смех вышел неприятным даже для неё самой. — Я? Я делаю?

Яна встала. — Я, наверное, всё-таки уйду.

— Нет, — сказала Маргарита.

Яна замерла.

— Сиди. Ты пятнадцать месяцев участвовала в этом, сегодня досиди до конца.

— Рита, я не хочу...

— Я тоже много чего не хотела. Например, встречать прошлый Новый год с любовницей мужа. Как видишь, жизнь полна сюрпризов.

Глеб резко сказал: — Хватит её унижать.

Маргарита повернулась к нему. — Ты в третий раз защищаешь её от моих слов за последний час. Меня от ваших поступков ты почему-то защитить забыл.

— Я не прошу тебя её простить.

— Нет. Ты просишь меня сделать так, чтобы её простила наша дочь.

Глеб замолчал.

Попадание было точным.

Маргарита вдруг вспомнила десятки старых семейных конфликтов, совершенно не связанных с изменой. Алина в девятом классе ждала отца на школьном концерте, а он не пришёл: важная встреча. Маргарита тогда сказала дочери, что Глеб застрял в лифте из-за проверки, хотя никакой проверки не было — муж просто забыл дату и уехал на ужин с коллегами. Кирилл однажды три дня не разговаривал с отцом после того, как тот в ярости назвал его ленивым и безнадёжным; Маргарита ходила между комнатами, разговаривала с обоими, объясняла сыну, что отец устал, а Глебу — что ребёнок просто обижен. Она всегда находила слова. Всегда превращала острые края мужа в безопасные для детей.

Он привык.

— Ты поэтому уверен, что я соглашусь, — сказала Маргарита.

Глеб нахмурился. — Я ни в чём не уверен.

— Уверен. Иначе не устроил бы сегодняшний ужин.

— Я надеюсь, что когда ты успокоишься...

— Нет. Не «когда успокоюсь». Ты рассчитываешь на конкретную вещь. На то, что я не выдержу, если Алина будет на меня злиться.

Глеб отвёл взгляд.

— Вот оно.

Маргарита поднялась. Теперь она чувствовала себя спокойнее. Как ни странно, после часа, в течение которого муж сообщил о пятнадцати месяцах измены, любовница осталась сидеть за столом, а ей самой предложили добровольно признаться в несуществующем романе, спокойствие наконец пришло. Просто понадобилось достаточно много мерзости, чтобы организм перестал успевать реагировать на каждую порцию отдельно.

— Ты знаешь, что я буду звонить ей, — продолжила Маргарита. — Знаешь, что буду пытаться объяснить, успокоить, вернуть её. Ты знаешь, что я всегда первая мирилась с детьми, даже когда они были неправы. И думаешь, что недели её молчания хватит, чтобы я пришла к тебе и сказала: хорошо, Глеб, пусть будет по-твоему.

— Я не хочу, чтобы она с тобой не разговаривала.

— Но уже сделал всё для этого.

— Потому что иначе она не увидит проблему.

— Какую проблему?

— Наш брак закончился.

— Тогда скажи ей правду о том, почему он закончился.

— Это сложнее.

— Нет. Это как раз очень просто. «Алина, я пятнадцать месяцев сплю с Яной». Семь слов.

Яна вздрогнула.

Глеб поднялся. — Ты специально делаешь всё грязнее.

— Нет, Глеб. Я просто перестала мыть за тобой.

Он замер.

Маргарита сама услышала, насколько точно прозвучали слова. Не красиво, не торжественно. Просто точно. Двадцать пять лет она действительно убирала за ним эмоциональный

беспорядок: оправдывала, смягчала, переводила, соединяла обратно то, что он рвал в раздражении или невнимательности.

Глеб подошёл к ней ближе. — Ты сейчас злишься.

— Да.

— И имеешь право.

— Спасибо.

— Но когда пройдет первый шок, ты поймёшь, что я предлагаю не идеальный вариант.

Я предлагаю наименее болезненный.

Маргарита посмотрела ему в лицо. — Для кого?

Он открыл рот, но не ответил сразу.

— Для кого, Глеб?

— Для всех.

— Нет.

— Рита...

— Для тебя.

— Не только.

— Для Яны.

— И для детей.

— Детям будет легче ненавидеть мать?

— Они не будут тебя ненавидеть.

— Сегодня Алина ушла, не обняв меня.

Глеб поморщился. — Она вернётся.

— Именно. Потому что я мать.

Он понял.

Маргарита увидела это по лицу.

— Поэтому, — сказала она уже совсем тихо. — Ты знал, что она вернётся ко мне. А к тебе может не вернуться. Поэтому виноватой быть проще мне.

Глеб стоял напротив неё, и впервые за весь вечер ему нечего было добавить.

Яна отвернулась к окну.

Маргарита посмотрела на неё. — А ты согласилась.

— Я не хотела, чтобы всё было так.

— Но согласилась.

— Я думала, что между вами действительно давно всё закончилось.

— Даже если так, зачем было придумывать мне Антона?

Яна закрыла глаза. — Потому что Глеб сказал, что иначе Алина...

— Да. Я уже слышала.

Несколько секунд никто не говорил.

Посудомоечная машина на кухне закончила цикл и издала короткий сигнал. Этот звук оказался почти неприлично бодрым.

Маргарита прошла к столу, взяла свой телефон и положила его в карман. Потом собрала лежавшие рядом ключи. Глеб следил за каждым движением.

— Ты куда? — спросил он.

— Пока никуда.

— Тогда зачем ключи?

— Потому что они мои.

Он хотел что-то сказать, но передумал.

Маргарита посмотрела на мужа ещё раз. Впервые она не пыталась вспомнить молодого Глеба, их свадьбу, рождение детей или двадцать пять прожитых вместе лет. Перед ней находился мужчина, который пятнадцать месяцев изменял ей, потом решил выйти из брака, сохра-

нив любовь дочери и общественное уважение, и для этого аккуратно назначил жене другого мужчину.

Ничего сложного.

Всё как раз стало удивительно простым.

— Никакого разговора с детьми не будет, — сказала Маргарита.

Глеб устало потёр переносицу. — Не решай сейчас.

— Я уже решила.

— Рита, подумай хотя бы до завтра.

— Нет.

— Ты не понимаешь последствий.

Маргарита улыбнулась. — Кажется, впервые за вечер понимаю.

— Алина будет страдать.

— Потому что её отец изменял матери пятнадцать месяцев.

— Ты можешь избавить её от части этой боли.

— Сделав больно ей другим способом.

— Она переживёт.

— Вот именно.

Глеб нахмурился.

Маргарита подошла ближе, остановившись перед ним на расстоянии вытянутой руки. — Она переживёт правду. И ты тоже.

— Ты хочешь всё разрушить из принципа?

— Нет. Ты уже разрушил. Я просто не стану теперь изображать человека, который держал молоток вместе с тобой.

Глеб сжал челюсти. — Значит, тебе плевать, что будет с моей работой?

— Да.

Ответ прозвучал настолько легко, что Маргарита сама удивилась.

— С моими отношениями с детьми?

Она задумалась всего на секунду. — Это уже зависит от тебя.

— И с Яной?

Маргарита перевела взгляд на женщину возле окна. — Особенно с Яной.

Яна выпрямилась, но Маргарита не стала продолжать. Ни оскорблений, ни угроз, ни дешёвого удовольствия от возможности наконец сказать любовнице всё, что о ней думает. Внезапно это показалось слишком мелким. Яна получила мужчину, способного ради собственного удобства назначить виноватой женщину, с которой прожил двадцать пять лет. Этой покупки ещё предстояло раскрыть все свои свойства.

Глеб подошёл к жене ещё на шаг. — Ты пожалеешь, если сейчас пойдёшь на принцип.

— Возможно.

— Ты потеряешь Алину на какое-то время.

Маргарита почувствовала боль, но не отступила. — Возможно.

— Тебя начнут обсуждать.

— Пусть.

— Концерт с Антоном только всё ухудшит.

Теперь Маргарита поняла, что муж всё ещё надеется напугать её той самой картиной, которую сам нарисовал.

— Глеб, — сказала она спокойно. — Посмотри на меня.

Он посмотрел.

— У меня нет любовника. Я не изменяла тебе. Я не буду говорить детям обратное. Ни завтра, ни через неделю, ни когда Алина перестанет отвечать мне на звонки.

Глеб молчал.

— Ты ошибся в одном, — продолжила Маргарита. — Ты решил, что поскольку я двадцать пять лет спасала эту семью от твоих ошибок, то и эту ошибку тоже уберу за тобой.

Она перевела взгляд на Яну, потом снова на мужа.

— Не уберу.

За окном дождь продолжал бить по стеклу. На столе стояли недопитые бокалы, холодное мясо и открытая бутылка дорогого вина, которую Глеб когда-то берег для особенного случая. Что ж, особенный случай наконец наступил.

Только совсем не тот, который он собирался отметить.

Глава 3. Дом, из которого она уходит

Маргарита проснулась в половине шестого утра и несколько секунд не могла понять, почему лежит поперёк кровати, поверх покрывала и до сих пор в вчерашнем свитере. В комнате было темно, только из-за неплотно задёрнутых штор пробивался сероватый предрассветный свет, в котором привычные вещи выглядели какими-то чужими: шкаф с приоткрытой дверцей, кресло с брошенными на спинку брюками Глеба, зарядка у его тумбочки и подушка рядом, совершенно нетронутая. Глеб ночью сюда не пришёл. Маргарита смутно помнила,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.